

В. М. Мокиенко

**Внутренняя логика фразеологизма
и его происхождение**

Studia Rossica Posnaniensia 10, 155-161

1978

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez **Muzeum Historii Polski** w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

В. М. МОКИЕНКО

Ленинград

ВНУТРЕННЯЯ ЛОГИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Фразеологию не без основания считают одной из самых „консервативных” областей языка, хранящей в себе древнейшие слова, отжившие грамматические формы и забракованные временем синтаксические конструкции. Консервируя форму, фразеология консервирует и содержание — старинные обычаи, поверья, образное видение мира. Б. А. Ларин называл поэтому фразеологизмы „сгустками и самородками народной мысли, опытом мудрейших, самоцветами слова безвестных и тем не менее чудо-умельцев, гениев русского языка”¹.

Дописьменная древность многих фразеологизмов делает поиски их истоков весьма трудной и порой почти неразрешимой задачей. В. В. Виноградов, давший образцы глубокого исторического анализа многих русских оборотов (*перемыкать косточки, родиться в сорочке, под мухой, на мази* и др.), справедливо подчеркивал, что при таких поисках „очень часто приходится довольствоваться лишь более или менее правдоподобными догадками”².

Правдоподобность этих догадок зависит в первую очередь от добротности лингвистического и экстралингвистического материала, привлекаемого для их аргументации. Одним из важнейших „материальных” ресурсов исторического анализа, как показал Н. И. Толстой, является материал народных говоров — русских и славянских — до недавнего времени почти не привлекавшийся историками фразеологии³. Лишь обильная „материальная” база может если

¹ Доклад Б. А. Ларина *О втором „Древнерусском словаре”* 8 марта 1961 г. в Межкафедральном словарном кабинете ЛГУ (запись доц. Г. А. Лилич).

² В. В. Виноградов, *Из истории русской лексики и фразеологии*, Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР 1954, № 6, стр. 3.

³ Н. И. Толстой, *К реконструкции праславянской фразеологии*. В сб.: *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*, Москва 1973, стр. 272 - 293.

не полностью застраховать, то во всяком случае предостеречь исследователя от умозрительных гипотез, основанных на „здравом смысле” и современном языковом опыте. Наш языковой опыт может осовременить древнюю внутреннюю логику фразеологизма подобно тому, как нынешние театры осовременивают Шекспира или Гоголя. Такое осовременивание оправдано как творческое воскрешение старого произведения или древнего образа, как авторское преобразование в широком смысле. Но оно не может претендовать на отражение объективной исторической реальности. За разгадкой истинной „внутренней логики” выражения необходимо обращаться к языковым и историческим (культурным, этнографическим и под.) фактам.

При историческом анализе фразеологии особенно опасно доверяться видимой логичности оборотов. Многокомпонентность их состава сама нередко подсказывает скоропалительные гипотезы, число которых тем более велико, чем полисемантнее каждый из компонентов. В таком случае, как пытался показать автор этих строк в некоторых своих статьях⁴, весьма существенно проверять такие гипотезы чисто лингвистическим анализом методом структурно-семантического моделирования.

Не менее опасно поспешное диагностирование отсутствия какой бы то ни было логической связи между выражениями с разными словами, но с общим фразеологическим значением, т. е. констатация синонимических, а не вариантных отношений между генетически тождественными оборотами. Покажем это на примере конфронтации целого ряда фразеологизмов с общим значением ‘жить без забот и волнений, очень вольготно’.

Автор этих строк записал в 1972 г. в диалектологической экспедиции на Псковщине такой контекст: „Взял бы маю сястру́ (вдовец — В. М.), *так жыл бы как у бо́га за двéрю*” (Печорский р-н, д. Высокий Мост).

Оборот *жить как у бога за дверью* кажется весьма вольной вариацией на тему известного литературному русскому языку фразеологизма *жить как у Христа (или бога) за пазухой* — ‘жить беззаботно, вольготно, в полной безопасности’. Еще же более индивидуальным преобразованием кажется сочетание *жить как у бога за ра́мкой*, записанное в той же деревне: „А та́м-та (у соседки — В. М.) *как у бо́га за ра́мкай жыли бы*”.

Не следует, однако, торопиться с выводом об „индивидуальности” этих народных оборотов. Опыт анализа многих русских и славянских фразеологизмов в этимологическом ракурсе показывает, что самые, на первый взгляд, прихотливые лексические замены регулируются тематически. Может быть, и перед нами сейчас одна из таких тематически регулируемых замен компо-

⁴ В. М. Мокиенко, *Историческая фразеология: этнография или лингвистика?*, „Вопросы языкознания” 1973, № 2; тот же: *Как зюзя*, „Русская речь” 1973, № 5; тот же: *Píje jako holendr nebo jako Holendr?* „Naše řeč” 1973, № 2; тот же: *Из истории фразеологизмов*, „Русский язык в национальной школе” 1973, № 5; тот же: *Эксплицитность и развитие фразеологии*, „Slavia” 1976, № 2 и др.

нентов одной и той же фразеологической модели? Но что же в таком случае может объединять столь разные слова, как *пазуха*, *двери* и *рамка*?

Ответить на этот вопрос можно, лишь погрузившись в толщу народной речи, в диалектный славянский материал, ибо литературные фразеологические словари фиксируют единственное изменение оборота *жить как у Христа за пазухой* — *жить как у бога за пазухой* (Мих. I, 407, ФСРЯ, 511)⁵. В диалектах, правда, возможна не только замена значимых слов, но и предлога: среднеобск. *у Христа в пазухе* значит 'хорошо, беззаботно' (Орел, 253), а также словообразовательное варьирование лексемы *пазуха* — нижегор. *живет, как у Христа за пазушкой* (ППЗ, 124).

Диалектный материал украинского и белорусского языков значительно расширяет диапазон лексических замен слова *пазуха*: белор. *як у бога за пазухаю* (Янк. 1968, 446, МК, 320), *як у бога за дзвярыма* (МК, 320); укр. *як у бога за пазухою* (Скрипник, 76, 78), *як у Бога за дверми* (или *за дверима*), *як у Бога за плечима*, *за надром*, *за кроснами*; *як у Бога під покришкою* (Ном., 34).

Еще шире делается этот диапазон при обращении к западнославянскому материалу, прежде всего польскому, где обороту *jak u Pana Boga za pazuchą* известному в том же значении, что и рус. *как у бога за пазухой*, соответствуют фразеологизмы *jak u Pana Boga za drzwiami*, *jak u Pana Boga za plecami*, *jak u Pana Boga za piętami* (НК I, 165 - 166). Ср. также словацкие обороты *ako v rána bohovom lone*, *ako v božom koši*, *ako v svätom koši* (Zát., 230).

Слова-заменители лексемы *пазуха* во всех этих фразеологизмах могут показаться весьма беспорядочным набором лексики. Однако, семантический анализ позволяет распределить их на несколько компактных тематических групп:

1. названия части тела, имеющей коннотации с надежным укрытием, безопасным и спокойным местом: рус., белор., укр., польск. *пазуха* (*pazucha*); укр. и польск. *плечи* (*plecy*)⁶, укр. диал. *надро* 'лоно, грудь', словацк. *lono* 'грудь', 'лоно';

2. названия предметов, обеспечивающих надежное укрытие и безопасность: рус., белор., польск. *двери* (*drzwi*); укр. *покришка* 'крышка'; польск. *piec* 'печь', словацк. *koš* 'корзина';

3. названия других предметов: рус. *рамка*, укр. *кросны* 'ткацкий станок'.

Даже эта общая классификация позволяет выявить семантическую общность, на которой основывается лексическая вариантность нашей фразеологической модели. Эту общность можно характеризовать значением 'надежно укрытое место', которое показывает равноправность диалектного *у бога за дверью* и литературного *у Христа за пазухой*⁷. Эта равноправность интере-

⁵ Список сокращений и источников см. в конце статьи.

⁶ Польское слово, как, вероятно, и диалектное украинское *плечи*, имеет значение 'спина'. Ср. разг. рус. *за ним как за мощной спиной* 'надежно, в абсолютной безопасности'.

⁷ Ср. в этом плане также известные разговорные обороты *как за каменной стеной* и диа-

сующих нас языковых воплощений данной фразеологической модели доказывается и ареальным анализом: и компонент *пазуха*, и компонент *двери* распространены в северославянской (восточно-западнославянской) диалектной зоне, хотя их активность по-разному отражена литературными языками.

Более детальный, с привлечением этимологии слов-заменителей лексемы *пазуха* анализ вскрывает еще большую тематическую связь трех групп лексики, участвующих в образовании нашего фразеологического ряда. Так, использование украинского слова *кросны* в качестве замены *пазухи*, видимо, обусловлено ее глубинными семантическими потенциями, ведущими начало от праславянского **krosno* 'рама' определенной формы, служащая для различных целей, которое образовано от основы **kre-/kro-* в значении 'край'⁸. Этот этимологический экскурс объясняет смысловую общность спорадично зафиксированных и ареально удаленных друг от друга пск. *как у бога за рамкой* и укр. (черниговск.) *як у бога за кроснами*. Общая семантическая ось „ограничение” сближает эти две лексемы с компонентами второй тематической группы (*двери*, *покршка* и др.).

Углубившись в значение слов первого и второго ряда на еще более детализированном и широком материале, мы могли бы продемонстрировать и более тонкие мотивы, потенциально обусловившие, возможно, их лексическую варьируемость в рамках данной фразеологической модели. Например, в семантическую структуру слова *пазуха*, широкие индоевропейские связи которого описал недавно О. Н. Трубачев, входят и „строительные” мотивы, поскольку его основа *паз* и ее параллели (др.-греч. πῆμα лат. *compāgēs* и др.) обозначают скрепление, закрепление деревянных конструкций⁹. Вряд ли на этом фоне случайно фонетическое сходство праслав. **natъra* (ср. сербохорв. *натра* 'ткацкий станок') и укр. *надро* (ср. *недра* и его широкие славянские параллели) 'пазуха, грудь': „строительный” параллелизм в данном случае заставляет сомневаться в этимологической трактовке праславянского термина, не связывающей его с рядом *надро*, *недра* и под., которую предложил О. Н. Трубачев¹⁰.

Этимологические экскурсы, как видим, неожиданно — уже не на фразеологическом, а на историко-лексикологическом уровне — сближают лексику первого ряда (названия частей тела) с лексикой второго и третьего (*двери* — *рамка* — *кросны* и под.).

Хочется подчеркнуть, что приводимые этимологические выводы не следует понимать как констатацию древности всех вводимых здесь в оборот фразеологических вариантов и тем более как реконструкцию древнейших значений ком-

лектные (нижегородск. и костр.) *жить словно за Бум*, записанные еще в прошлом веке (Булсл., 81; ППЗ, 120).

⁸ О. Н. Трубачев, *Ремесленная терминология в славянских языках*, Москва 1966, стр. 126 - 127.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 128.

понентов, подвергшихся замене. Речь идет лишь о *семантических потенциях* этих компонентов, ставших одной из причин лексической вариантности фразеологизмов. Именно поэтому при анализе мотивировки лексических замен обычно достаточно констатировать общую „тематическую однородность” на уровне трех разрядов лексики, выявленных для фразеологической модели *как у Христа (бога) за пазухой*.

Заканчивая конкретное описание лексической вариантности фразеологизма *как у Христа за пазухой*, можно отметить и возможность активной синонимической замены компонента *Христос* и *бог*: *у матушки за пазушкой* (Д. Посл., 101)¹¹, *у отца-матери за пазушкой* (Д. Ш, 9), укр. *як у батька за пазухою* (Ном., 34). Ср. также *жить за богородицей* с тем же значением, записанное в говорах Сибири (СФС, 73), где такая замена осложнена эллипсисом слова *пазуха*, или *как у матушки под крылышком* (Д. Посл., 101), где лексическая вариантность меняет весь значимый состав фразеологизма, сохраняя общее фразеологическое значение и синтаксическую структуру¹².

Анализ всего комплекса фразеологических вариантов данной модели показывает, что кажущаяся „нелогичность” записанных на Псковщине оборотов *как у бога за дверью* или *как у бога за рамкой* безосновательна. Первый оказывается древнейшим сочетанием на данную фразеологическую „тему”, второй — закономерным порождением глубинных семантических потенций слов, конкретно наполняющих севернославянскую фразеологическую модель.

При историческом исследовании фразеологии становится ясно, что „внутренняя логика” устойчивых оборотов — весьма реальное и важное понятие. Но чтобы вскрыть эту логику именно в историческом плане, необходимо отказаться от „предрассудков” современного литературного употребления, характеризующего те или иные фразеологические варианты как „окказиональные”, „индивидуальные”, „локальные” и под. Окказиональный вариант при детальном лингвогеографическом анализе может оказаться не менее древним, чем литературно нормированный, он может стать ключом к разгадке всего выражения или закономерным отражением исконной его мотивировки. Широта ареала, моделируемость внутреннего образа и структуры — важные аргументы при доказательстве исконности того или иного варианта.

Проблема диагностирования исходного варианта фразеологизма, однако, весьма сложна уже потому, что в принципе сама попытка сведения всех фразе-

¹¹ Ср. петербургск. *матушкин запáзушник* (СРНГ X, 299).

¹² Ср. целый ряд разговорных и диалектных фразеологизмов с подобным значением, в которых происходит замена компонентов *бог* — *Христос* — *ангел*: разг. *жить, как бог в Одессе* (Ройз. 1973, 172), омск. *Исус Христос в латтях проехал* ‘о блаженном состоянии’ (Пах. АКД, 13), горьк. *как Христос в лапотках прошелся* (шутл.) ‘приятно от чего-л. вышито-го’ (Зах. АКД, 18), пск. *Христос по душе босиком пробежал (прошел)* ‘о высшей степени удовольствия’ (ПОС П, 130), омск. *как ангел прокатился* ‘о блаженном состоянии’ (Пах. АКД. II).

ологических единиц к единственной, „исконной” — это почти констатация окказионализмов на основе оборота, ставшего нормированным.

Действительно, поскольку большинство фразеологизмов при своем возникновении были свободными сочетаниями, то свободная заменяемость компонентов была их исконным свойством. Следовательно, у истоков устойчивого сочетания могло и даже должно было быть не одно, а несколько сочетаний, взаимозаменяемость компонентов для которых — обычное явление. В этом плане эволюция фразеологизма предстает как движение от вариантного многообразия к компонентному единообразию, „консервированности”, от „анти-нормы” — к норме, а не наоборот. В процессе этого движения и кристаллизуется фразеологическая модель, формируется ее „внутренняя логика”, разгадка которой и составляет основную задачу исторической фразеологии.

В заключение хочется подчеркнуть, что для аргументации высказанных положений можно было бы привлечь материал многих других фразеологических рядов. Выбор лишь одного из них — вариантов оборота *как у Христа за пазухой* имеет свою „внутреннюю логику”, хотя в некотором смысле и вызван субъективными, экстралингвистическими причинами: тем, что настоящий сборник посвящен 70-летию юбилею известного русиста и слависта проф. Л. Оссовского. Автор этой заметки искренне желает уважаемому юбиляру еще многие лета жить в кругу своих учеников, последователей, читателей и почитателей — *жить, как у Христа за пазухой, как у бога за дверью или как у бога за рамкой*, словом *jak u Pana Boga za pazuchą*.

СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

- Булсл. — Ф. Буслаев, *Русские пословицы и поговорки*. В кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, кн. 2, Москва 1854, стр. 1 - 176.
- Д. — В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I - IV, Москва 1955.
- Д. Посл. — В. Даль, *Пословицы русского народа*, Москва 1957.
- Зах. АКД — Б. Ф. Захаров, *Диалектная фразеология говора села Саитовка Починковского р-на Горьковской области*. Автореферат канд. дисс., Горький 1973.
- Мих. — М. И. Михельсон, *Русская мысль и речь. Опыт русской фразеологии. Свое и чужое*, Санкт-Петербург, т. I, 1902; т. II, 1903.
- МК — Е. С. Мяцельская, Я. М. Камароўскі, *Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі*, Мінск 1972.
- Ном. — М. Номис, *Українські приказки, прислів'я та таке инше*, Санкт-Петербург 1864.
- Орел — М. В. Орел, *Диалектная фразеология среднеобских старожильческих говоров (материалы для словаря)*. В сб.: Вопросы фразеологии, т. VI, Самарканд 1972, стр. 205 - 260.
- Пах. АКД — Н. К. Пахотина, *Опыт исследования фразеологической деривации (на материале оштинских говоров Омской области)*, АКД, Москва 1973.
- ПОС II — *Псковский областной словарь с историческими данными*, вып. II, Ленинград 1973.
- ППЗ — *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX веков*. Издание подготовили М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова, Москва — Ленинград 1961.

- Ройз. 1973 — Л. И. Ройзензон, *Лекции по общей и русской фразеологии*, Самарканд 1973.
- Скрипник — Л. Г. Скрипник, *Фразеологія української мови*, Київ 1973.
- СРНГ X — *Словарь русских народных говоров*, вып. X, Ленинград 1974.
- СФС — *Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири*. Составители Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Ред. Ф. П. Филин, Новосибирск 1972.
- ФСРЯ — *Фразеологический словарь русского языка*, под ред. А. И. Молоткова, Москва 1967.
- Янк. 1968 — Ф. М. Янкоўскі, *Беларуская фразеалогія*, Мінск 1968.
- НК — *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*, pod red. J. Krzyżanowskiego, t. 1 - 3, Warszawa 1969 - 1972.
- Zát. — A. P. Zátarecký, *Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia*, Bratislava 1965.